

Универсальное лекарство

Через два месяца Борис понял, что начинает сходить с ума. И пока весь мир с восторгом обсуждал первый контакт с представителями иного разума, обычный военный связист самой обычной номерной в/ч, волею судьбы принесенный равнодушным человечеством в жертву, был вынужден ежедневно сносить выходки двух зеленых тварей.

Закрывшись в кабинке мужского туалета, Борис вытащил из кобуры пистолет и любовно пересчитал патроны в обойме. Если станет совсем неважноту - хватит на решение всех проблем. Два патрона толстому зеленому гаду Брюху - меньше не получится, два сердца у инопланетянина, да и те, кажись, не особо ему нужны. Два - худому гаду Дылде. Два - себе. Хотя нет, себе и одного за глаза.

Борис закрыл глаза и приложил холодный ствол пистолета к голове. Можно и не устраивать междупланетного скандала. Просто два себе... Блин. Одного же хватит! И так, просто один себе...

- Борюсик? - противным тонким голосом жалобно спросил Брюхо из соседней кабинки. - Мне страшно очень, а ты уже целых тринадцать секунд молчишь!

- Сколько раз тебе говорить, - с ожесточением в голосе проговорил Борис, примеряясь, как можно было бы выпустить две стремительные пули, кабы зрение позволяло ему видеть сквозь стены, - я тебе не «Борюсик». Тот разговор по телефону не для твоих чебурашких ушей предназначался! Я — Борис! Сергеевич! Ключев!

- А зачем ты показываешь в стенку-кабинку своим кривым охранным амулетом?

Борис мысленно выругался и быстро убрал пистолет в кобуру.

- Выхожу, - обреченно сказал он и с тяжелым вздохом открыл дверь кабинки.

Понес же его черт на рыбалку, когда прямо в центр картофельного поля из космоса рухнул неопознанный упавший объект. То есть, неопознанным он был минут десять, не больше. А потом из него вылезли два аморфных зеленоватых организма и... «полюбили первого встреченного ими человека всей душой». Наотрез отказываясь куда-либо перемещаться, если «Борюсика» не было поблизости.

И за этого «Борюсика» он Ленке еще припомнит.

Ничего-ничего, наверняка уже скоро головастые парни разберутся с главной проблемой зеленых уродцев, которым, видите ли, прискучило жить. И нет, чтобы пойти и утопиться всей планетой. Надо обязательно полететь к черту на кулички в поисках лучшей жизни, и отравить жизнь бедному военному связисту.

А может быть, инопланетной форме жизни разрешат поселиться на Луне, как они того просят. И тогда Бориса просто обязаны будут освободить от почетной обязанности находиться постоянно при «высоких гостях». Луна, это вам не заурядная в/ч. Замучается министерство обороны командировочные платить. Да и не приспособлено холодное небесное тело для жизни на нем личного состава, даже с учетом готовности нести все тяготы и лишения военной службы.

Брюхо в нетерпении ожидал его, переступая на месте нелепыми короткими ножками. Несмотря на все сопротивление, приказом командира военной базы на обоих инопланетников надели штаны, которые им, впрочем, очень понравились. Особенно Брюху, который, отрастив десятка четыре пальцев, водил ими по замысловатому камуфляжному узору. Над штанами у него во все стороны свисал огромный живот, несмотря на любые трансформации хозяина, не желавший становится меньше, а еще выше - приплюснутая жабья голова и два щупальца в тех местах, где у людей должны быть руки. Глаза, впрочем, было вполне человечьи. Ну, почти. И теперь, босиком, в одних штанах, Брюхо отчасти походил на иллюстрацию к старой книжке про Робинзона. Тем более что в каком-то смысле являлся товарищем по несчастью литературного страдальца. Ведь его корабль тоже потерпел крушение и теперь никак не хотел «лыркаться».

- Тебя так долго не было, - укоризненно сказал Брюхо, - и я уже подумал...

- Что Борис Сергеевич тебя бросил, - устало закончил за него Борис. - И на этой военной базе, забитой научным персоналом и окруженной двумя батальонами солдат, ты остался один-одинешенек, как нейтрино во вселенной.

- Верно, - скривил жабью морду Брюхо и отрастил на правом щупальце два пальца, чтобы шумно высморкаться.

- Прекрати, - строго сказал ему Борис. - Еще раз повторяю: в кино это была шутка. Не усилительный жест эмоционального контакта, а просто шутка.

- К сожалению, мы так и не поняли, что такое «шутка», - еще больше расстроился Брюхо, но сморкаться не перестал.

- Тяжело вам у нас придется, - с некоторым даже сочувствием сказал Борис. - Не квартиру меняете - планету. А тут, у нас, шутка - первое дело. Хоть на Луну вы переселитесь. Хоть на Солнце. Кстати, вот вам идея: на Солнце-то гораздо теплее.

- Да мы бы лучше прямо сюда переселились, чтобы к тебе быть поближе. Но на это, как ты уже говорил, ни малейшей надежды нет, - простонал Брюхо и залился слезами.

Слез у него было много, пахли они резко и неприятно. Борис мысленно сплюнул и быстро зашагал в игровую комнату, заполненную, так полюбившимися инопланетянам, детскими игрушками. Брюхо торопливо семенил следом и казалось, с каждым шагом рыдал все сильнее.

Больше этого сносить Борис не мог. Проходя мимо крохотной кладовки, где хранился всевозможный уборочный инвентарь, он резко толкнул Брюхо в сторону полуоткрытой двери. Прижав испуганного инопланетянина к стене, он быстро зашептал прямо в выпученные жабы глаза:

- Молчи и слушай. Я нарушаю все правила, но все-таки скажу: наши ученые уже почти нашли причину вашей всепланетной депрессии. Как только проведут эксперименты на лягушках, вам скажут, чем надо уколоться или каких колес нажраться, чтобы жить снова стало интересно. Понимаешь?

- Нет, - сдавленно пискнул Брюхо.

- Ну, может это будут не колеса. Может вам просто всем надо лоботомию сделать или провести по четыре операции по смене пола. Но все хорошее случится уже скоро, надо только в это поверить. Понимаешь?

- Нет.

- Неважно. Жизнь уже повернулась для вас в лучшую сторону. Начиная радоваться. Твой друг Дылда наверняка сегодня починит эту вашу «хрялку». Потом вы сможете «лыркаться» и полетите к своей планете с благой вестью. Теперь понял?

- Нет, - честно сказал Брюхо.

- Ладно, - Борис брезгливо ухватил инопланетянина за щупальце и потащил в коридор. - Пойдем помогать Дылде. Мне мой первый командир говорил, что работа — лучшее лекарство от всех болезней. Что душевных, что физиологических. Универсальное лекарство!

Длинный и худой Дылда походил на своего товарища только цветом. Насколько Борис понял, с геометрией внешней формы у пришельцев вообще сложились самые панибратские отношения: при большом желании, Дылда мог бы стать толстяком не хуже Брюха. В переводе на земные звания и должности, он был кем-то вроде замкомвзвода, каптерщика и техника одновременно.

Каждый день Борис часами сидел на табурете в ангаре рядом с космическим кораблем пришельцев и наблюдал, как Дылда медленно вытягивает из открытого люка разноцветные тянущиеся «сопли», разглядывает их мутными коровьими глазами и с выражением бесконечной покорности судьбе, запихивает обратно. Брюхо при этом бродил вокруг табурета кругами и демонстративно страдал.

В первые дни ученые сунулись было посмотреть, как устроены механизмы инопланетного корабля, но вскоре вынуждены были признать, что даже примерно не понимают, на каких принципах там все работает. И оптимистично обещали разобраться лет за десять-пятнадцать. Институт под изучение этой темы им уже начали строить неподалеку от базы.

В этот раз сидеть на табурете оказалось выше человеческих сил Бориса. Он сходил за своим ящиком с инструментами, поставил стремянку и решительно полез в люк корабля. Разложив кусачки, мультиметр, куски провода и аккумуляторный паяльник прямо среди «соплей» чужого аппарата, Борис вдруг как-то особенно глубоко осознал, что его освобождение из странного плена зависит во многом от него самого. Это чувство дало ему такой заряд энергии и энтузиазма, что он отбросил прочь все сомнения и взялся за поиски неполадки так, словно ему всего и требовалось, что найти неисправный конденсатор в наполовину сгоревшей рации.

Через три часа, когда посыльный пришел в ангар звать Бориса и двух инопланетян на прием пищи, он не рискнул подняться по стремянке в темный провал люка, из которого доносился сердитый голос Бориса:

- Кто так моркает? Ну кто? Ты на своей планете наверное храли перекукливал и то, не каждый хрюлик!

Уже ближе к вечеру уставший, но озаренный внутренним светом понимания, Борис, крикнул Дылде и

Брюху, толкавшихся где-то в другой части корабля:

- Сейчас должно получиться! Если все замерено и разделано точно, как я велел, хрюля должна завылдиться и тогда ваша банка, наконец, залыркается!

Накачанный служебным рвением Дылда потащил из глубины корабля тонкую фиолетовую «соплю» и попытался соединить ее с другой такой же «соплей», только желтого цвета. «Сопли» не соединялись — не хватало каких-то десяти сантиметров. Глядя на закипающего от бешенства Бориса, Дылда потянул из всех сил, и сумел растянуть соплю еще на пару сантиметров.

В праведном гневе Борис был страшен. Если бы Дылда мог освоить весь обрушившийся на него лексикон, безо всяких сомнений уже на следующий день он смог бы командовать ротой. А может быть даже и батальоном.

- Как ты мерил? - несколько поостыв, проникновенно спросил его Борис, яростно глядя в хлопающие коровьи глаза. - Я же шесть раз объяснил, как надо замерить и как отрезать! Что теперь делать? Ну что? Столько времени коту под хвост! Иди, бери новую запаску и режь заново.

- А больше нету запасок, Борюсик, - виновато проблеял Дылда.

- Как нету? - страшным голосом спросил Борис. - Совсем нету? Совсем-совсем?

- Может быть даже совсем-совсем-совсем-совсем, - жалко пропищал Дылда.

- Ах так?! - взревел Борис. - Тогда открывай свой поганый жабий рот и зажимай храли зубами!

- У нас нет зубов...

- И не будет никогда, с такими куриными мозгами! Восполняй кусок храли своей башкой. Будешь всю ночь стоять, как связист в бою. А я буду думать, что теперь делать.

Дылда покорно взял обе «сопли» и сунул себе в пасть. Желтая и фиолетовая нитки «соплей» повисли с двух сторон от унылой морды длинными макаронинами.

И вдруг внутри корабля что-то булькнуло и по воздуху поплыл чистый звук, словно кто-то постукивал ложечкой по хрустальной вазе.

- Лыркает! - счастливо заорал из глубины корабля Брюхо.

- Ну, вот видишь, - смягчаясь сказал Борис Дылде. - Оказывается, можно разобраться в чужой технике и без научных степеней. Лыркает, понимаешь? Отпускай храли, будем думать, как их теперь срастить.

Но Дылда только замотал головой и сильнее сжал челюсти. Только теперь Борис обратил внимание, что тело инопланетянина сотрясает легкая дрожь, а глаза блестят и светятся странным зеленым светом.

- Ох и ё, - испугался Борис. - Брюхо! Скорее сюда! С Дылдой ерунда какая-то творится!

Брюхо немедленно появился в проходе, посмотрел на Дылду, отрастил тонкое щупальце прямо из головы и коснулся им морды Дылды.

- Не, он теперь храли до дома не отпустит, - сказал Брюхо.

- Да ладно, найдем вариант, как срастить храли, - растерянно сказал Борис. - Я не буду больше ругаться. Нельзя же, чтобы послы прилетели от будущих соседей с проводом в зубах. Не по-соседски это будет. Нехорошо.

- Спасибо, Борюсик, - светлея жабым лицом сказал Брюхо. - Но мы уже не будем к вам переселяться. Кажется, ты только что нашел средство от нашей депрессии. И мы знаем теперь, как избавиться от нее наш несчастный народ. Ты правду утром сказал: работа - лучшее лекарство. Смотри, Дылда работает хралей и его болезнь прошла! Понимаешь?

- Нет, - честно сказал, сбитый с толку Борис. - Провод в зубах помогает ему не скучать?

Брюхо не ответил. Лишь махнул щупальцем и Бориса вдруг вынесло наружу, в ангар. Инопланетный корабль висел в паре метров от пола и слегка светился. Люка на его борту больше видно не было.

- Тревога, - слабым голосом сказал Борис.

Несколько часов лучшие специалисты-психологи пытались установить контакт с неподвижно висящим кораблем. Но изнутри никто не отзывался. Попытки постучать чем-нибудь тяжелым в борт провалились из-за тонкого защитного поля, окружившего «тарелку».

А среди ночи инопланетный корабль внезапно стартовал, пробив крышу ангара, и скрылся в глубинах космоса, быстро исчезнув из поля зрения даже зоркого глаза орбитального телескопа.

На полу же ангара осталась полноразмерная скульптура, изображающую человека, сидящего на унитазе и тыкающего куда-то вбок пистолетом.

Строгий человек в гражданском сообщил Борису, что еще несколько месяцев ему придется пожить на уже хорошо знакомой военной базе. Где его изучением займутся, оставшиеся без работы специалисты. Ведь не каждый день в пределах досягаемости ученых появляется человек, чью скульптуру, словно бы выпиленную целиком из огромного алмаза, власти теперь с помпой везли в столицу и планировали показывать по всему миру.

Тем более что сомнений в том, кто изображен в скульптурной композиции, не возникло ни у кого: на одной из стенок алмазного унитаза было написано: «Борюсику от Хюхли и Хяхли».